

Ширин Шафиева

НЕ СПИ
ПОД ИНЖИРОВЫМ
ДЕРЕВОМ

INSPIRIA

Москва
2020

УДК 821.161.1-31(479.24)
ББК 84(5Азе)-44
Ш30

Художественное оформление *Юлии Девятовой*

Иллюстрация на обложке *Magdalena Pagowska*

В оформлении книги использована иллюстрация:

© Kate Macate / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Шафиева, Ширин.

Ш30 Не спи под инжировым деревом / Ширин Шафиева. — Москва : Эксмо, 2020. — 384 с.

ISBN 978-5-04-115528-5

Говорят, что того, кто уснет под инжиром, утащат черти. Но в то лето мне не хотелось об этом думать. Я много репетировал, писал песни, любил свою Сайку и мечтал о всемирной славе. Тем летом ветер пах землей и цветущей жимолостью. Тем летом я умер. Обычная шутка, безобидный розыгрыш, который очень скоро превратился в самый страшный ночной кошмар. Мне не хотелось верить в реальность происходящего. Но когда моя смерть стала всеобщим достоянием, а мои песни стали крутить на радио, я понял, что уже не в силах что-то изменить. Я стоял в темноте, окруженный призраками и потусторонними существами, и не мог выйти к людям. И черные псы-проводники, слуги Гекаты, пришли за мной, потому что сам я не шел в загробный мир...

УДК 821.161.1-31(479.24)

ББК 84(5Азе)-44

ISBN 978-5-04-115528-5

© Шафиева Ш., 2020

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

Выйдешь в город, а он встретит своей
пустотой. А потом его предашь и поки-
нешь, потому что он не родной.

Даниил Гинк
«Лысый брюнет»

— Вы поэт? — спросил он, улыбнувшись.
Ниточка разговора завязалась: на какую
же катушку она станет наматываться?
— Да, поэт, — если быть поэтом — зна-
чит стремиться обрести искусство.
— Вы стремились обрести искусство!
И обрели его?
— Ах, волей небес искусство — всего-
навсего несбыточная мечта!

Алоизиус Бертран
«Гаспар из тьмы»

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Смерть

Шёл год Первой Олимпиады.

До белизны отшлифованные улицы Баку заполнились туристами, я сдался на милость жары и начал носить шорты, став таким образом частью социологического опроса «Потребно ли мужчине показывать голые ноги?» (от создателей хита «Женились бы вы на не девственнице?»). Волонтёры Олимпиады постоянно принимали меня, высокого, светловолосого и короткоштанного, за иностранца и своими гигантскими, словно их кисти поразила слоновая болезнь, указующими перстами из пенопласта то и дело пытались наставить на путь истинный.

Именно тогда в мою жизнь ворвался Ниязи, и на этом жизнь, какой я её знал, закончилась. При воспоминаниях о Ниязи первыми приходят на ум его брови. Чёрные, кустистые и широкие, они появляются из тумана памяти свободно парящими в воздухе, словно две лигатуры над ещё не начертанными нотами. Вслед за бровями выступает лоб — такой подвижный, что кажется, будто по нему бегают рысь, отчего лицо Ниязи бывает похоже на телевизионный экран, изображение на котором искажают волны помех.

Когда я впервые увидел его, он был облачён в волонтерскую футболку, фиолетово-бирюзовую, знойным летом напоминающую своими цветами о северном сиянии и холодных айсбергах. Под мышками и на спине темнели мокрые пятна, почти симметричные, как чернильные пятна теста Роршаха. То, что на спине, было похоже на венецианскую маску или морду козла. Ниязи много жестикулировал, чуть не задевая собеседников руками. Он пытался впарить нам билеты на пляжный волейбол — разумеется, женский. Это было первое, самое невинное проявление его неугомонной природы, с которым я столкнулся. В голове у Ниязи постоянно толпились, словно зеваки на ярмарке, разные бредовые идеи. Сам он и не думал воплощать в жизнь большинство своих проектов, зато активно подбивал других. Например, как мне рассказывал Мика, басист нашей группы (он и познакомил нас с Ниязи), этот ненормальный придумал (или спёр у кого-то идею, не знаю) «нищего для богатых». Это такой нищий попрошайка, который надевает очень дорогую, но сильно поношенную одежду и поджидает своих благодетелей у всяких там бутиков. Идея ясна: подать такому попрошайке мало было бы просто неприлично. Ещё Ниязи придумал приходить в крупные банки, офисы операторов сотовой связи и им подобные богопротивные заведения, где люди вынуждены брать билет с номером и долго ждать своей очереди, чтобы их, наконец, соизволили принять, и продавать эти самые билеты тем, кто сильно торопится. Ну, и дальше в том же духе.

8

Ростом Ниязи мне по пояс, и физиономия у него мартышечья. Сайка, правда, сказала потом, что он симпатичный. Я выразил сомнение. Легко и не слишком категорично, чтобы не показать, что я задет или там ревную. Она засмеялась и начала объяс-

нять, что парни таких вещей не понимают, и Ниязи определённо типаж, нравящийся всем девушкам. Если им, конечно, необходим карманный молодой человек, которого можно резко выпускать, когда надо напугать кого-то, подумал я, но промолчал. «Подумал, но промолчал» — это наиболее естественное для меня состояние. Иногда оно становится причиной многих неудобств. «По-моему, он немножко похож на Колина Фаррелла», — добавила Сайка, почему-то полная решимости переубедить меня, можно подумать, сосватать собралась. «Ага, только если бы мамаша Фаррелла во время беременности всю дорогу курила, бухала и употребляла запрещённые вещества», — заключил я.

В общем, дело было под Девичьей Башней, где мы с нашей группой — квинтет *Death and Resurrection*, всем слушать и трепетать! — собрались, чтобы вместе решить, куда пойти. Потому что пойти в этом городе некуда, особенно если вы молоды и вас распирает от мыслей, чувств и гормонов. Мы всегда так — сначала спорим, а в итоге идём туда, где на креслах уже навсегда остались отпечатки наших задниц. Предлагаю сделать гипсовый слепок с моего и, когда я наконец свалю отсюда в большой мир и стану богатым и знаменитым, выставлять в каком-нибудь малопосещаемом местном музее.

Стоим мы и вяло перебираем возможные способы провести время. Один предлагает — все остальные отвергают. Над нашими головами с яростным писком носятся чёрные стрижи. Эмиль нервничает: под летающими птицами стоять ему неудобно, он боится, что они на него накакают. Прецеденты уже были. Отчего-то птицы обожают помечать нашего барабанщика таким образом. Может быть, их привлекают его густые кучерявые чёрные волосы, похожие

на лобковые. Будь я птицей, я бы тоже не удержался. Просто он такой невезучий человек. Готов поспорить, что у него даже туалетная бумага постоянно рвётся мимо линии перфорации.

Стоим мы, страдаем, и вдруг — какой-то прямо инфразвук на всю площадь:

— Мика! Микамикамикаааа! — с характерной интонацией, с какой зовут, соблазняя едой, шкодливую кошку. Мы обернулись и увидели существо, обладавшее удивительно глубоким басом для такого мелкого тельца.

— А, Ниязи, привет, — сказал Мика и немного виновато посмотрел на нас. Мы, непатриотичные неформалы, критически уставились на новоприбывшего, одетого, как я уже упоминал, в волонтёрскую футболку. Бейджик, жизнерадостная улыбка на бровастом лице — он произвёл на меня впечатление прикурка. А потом просто — произвёл впечатление. Этот человек-катализатор, этот трикстер перевернул мою жизнь. Я умер из-за него. Но всё по порядку.

10 — Чуваки, знакомьтесь, это Ниязи, мой э-э... друг, — представил нас (как мне показалось — с неохотой) Мика. — Ниязи, это Джонни, Эмиль, Сайка...

— Да-да, — перебил его Ниязи, который, помимо прочих достоинств, страдал от преждевременного словоизвержения, — у меня есть билеты на пляжный волейбол, кому надо? Последние остались, больше нигде не найдёте.

Моего имени в тот раз он так и не узнал. Команда начала смущённо переглядываться. Я сохранял хладнокровие — у меня есть девушка, мне на женском волейболе делать нечего.

— Такое не каждый день увидишь! Последние пять мест. У меня друзья дерутся за них, а я не хочу никого обижать. Мог бы продать кому-нибудь на

стороне, чтобы они не убили друг друга. Мои друзья. Вот ты, например. — Ниязи пронзил моё солнечное сплетение пальцем, намереваясь взять в маркетинговую осаду.

— Я ему пойду! — взвизгнула Сайка.

— Ой?! — Ниязи умильно сложил ладошки, склонил голову набок и уставился на нас благословляющим взглядом. — Ты его девушка? Вот ему повезло. Никакой волейбол не нужен. — И он подмигнул ей не одним только глазом, но аж всей половиной лица. Я почувствовал, что моя прозрачная кожа неустойчиво розовеет от злости. — Ну что, мужики... никто не берёт? Мне идти пора.

— Я возьму. — Эмиль, внезапно решившись, вытащил бумажник откуда-то из недр своего зады. Ниязи с невозмутимым видом забрал деньги и отдал один билет.

— Рад был познакомиться с вами. Прекрасная леда! — Эта мартышка схватила Сайку за руку и облобызала её. Сайка захихикала, идиотка такая. Будто я ей рук не целовал никогда.

Ниязи обратил к нам свою спину в анималистических пятнах пота и вроде как пошёл по своим делам, но потом резко обернулся и, щурясь на солнце, спросил:

— А что это за имя такое — Сайка?

— Саялы, — ответила моя дура и обворожительно улыбнулась.

Сайка у меня красивая, как супермодель, к тому же у неё неплохой голос. Её нежное сопрано выпевает мои brutальные и, надо признать, частенько халтурные тексты о смерти, воскрешении, борьбе и любви так торжественно и важно, что я невольно начинаю чувствовать себя очень крутым поэтом. Когда мы идём вместе по улице, держась за руки и громко

переругиваясь (это когда она меня злит своей тупостью), одинокие сутулые девушки смотрят на неё с голодной ненавистью в выпученных карих глазах. У Сайки глаза светлые, почти прозрачные. Если она густо обводит их чёрным карандашом, становится вылитой лайкой. Когда наши отношения только зарождались, она бомбардировала меня роскошными признаниями в любви. А потом одно из них я случайно услышал в каком-то бабском фильме. Это открытие сделало меня очень бдительным, и благодаря ему я нашёл ещё множество фильмов, которые она цитировала. Я стал настоящим специалистом в области мелодраматического кино — и всё из-за Сайки. Теперь, когда окошко нашей переписки затапливает ядовитый сироп красивых слов, я точно знаю, что это не она придумала, но ничего ей не говорю. Мне кажется, Сайкина неудержимая тяга к хаотичному цитированию — нечто вроде болезни типа синдрома Туретта. Или ей страшно, что кто-то решит, будто внутри она пустая, словно оболочка с трещиной на спине, которую оставляет после себя насекомое, превращаясь из нимфы в имаго.

12

В интернете Сайка ведёт себя так же. Как минимум раз в пару дней она выкладывает в Instagram своё селфи — или не селфи, а профессиональное фото, снятое другом-фотографом, неважно — сопроводённое красивой цитатой, сюжетно никак с фотографией не связанной. Значка копирайта, ясное дело, не ставит, и большинство интеллектуально продвинутых индивидов думают, что Сайка — автор сих шедевров. Меня всё это бесит. Не то что она подрабатывает фотомodelью и подписчиков у неё в пять раз больше, чем друзей, — нет! Бесит, что цитаты, чёрт возьми, не связаны по смыслу с фотографиями! А так меня всё устраивает, приятно видеть, что у моей девушки много поклонников — а принадлежит она только мне.

Первым кандидатом в бойфренды Саялы был Эмиль. Это он заметил её на Facebook, каким-то образом напросился в друзья и вступил с ней в странную переписку. Сайка потом показала мне её, и мы вместе посмеялись.

В вечер знакомства с Ниязи я, полупьяный, возвращался домой мимо разрушенных дореволюционных кварталов. Вытерпев полтора ужасных часа во влажном, словно тропический лес, автобусе — Сайкин дом у чёрта на рогах, но не сопроводить её в дороге, полной похотливых сатиров, обитателей общественного транспорта, было бы неразумно, — я наслаждался пустотой этой части города. Изредка, терзая улицу звуками жуткой местной пародии на музыку, мимо меня проезжала, хромая на все четыре колеса, какая-нибудь машина, полная таких же, как я, пьяных гуляк или ведомая нетвёрдой рукой одинокого ночного романтика. В общем, всё было спокойно. Проходя мимо жалких остатков стен, я вспоминал: здесь продавались старые, населённые жучками книги и жила собака. Где она теперь? А этот, в остальном ничем не примечательный дом украшал изумительный входной портал — весь в изящных каменных розах, я ещё думал: застану, как его сносят, обязательно деталь сопру для сестры-архитектора. Не застал.

Здесь совсем недавно исторические и архитектурные памятники стояли россыпью драгоценных камней, заляпанные раковыми опухолями пристроенных балконов, утратившие свой блеск от пренебрежительного обращения, ненужные даже своим жильцам. Здесь украшал улицу четырёхэтажный дом с атлантами. Теперь на его месте разобьют парк с чахлыми деревьями, которые через месяц высохнут на солнце. Парк, оцепеневший от мрамора, отполированного до зеркального блеска, — на такой боль-

но смотреть летом и больно падать зимой. Я видел выброшенных на улицу атлантов. Поверженные титаны лежали навзничь, открытые жестокому солнцу и дикому ветру, но лица их оставались всё такими же невозмутимыми, словно и не был разрушен небесный свод, их могучие руки всё ещё пребывали в напряжении, поддерживая то, что уже никогда не будет восстановлено. Потом их куда-то увезли, вероятно, на базар органов, изъятых у мёртвых старых зданий.

Наверное, существуют призраки снесённых домов. Идёшь себе ночью в туалет в своей несуразной новостройке, нажавшись вечером какого-нибудь арбуза, и видишь — дверь не на месте и ведёт в несуществующую комнату, с арочными окнами, четырёхметровыми потолками и обоями в цветочек. Обои в цветочек — всегда не то, чем кажутся. На таких обязательно бывает один цветок, похожий на страшное лицо, которое таращится на тебя, когда ты ложишься в постель и съёшь блудливые руки под одеяло.

14

Задумавшись об этом, во дворе моего дома, не добитого исполнительной властью старинного особняка, в известные времена расчленённого на мелкие квартирki без удобств, я чуть было не наступил на бросившуюся мне наперерез крысу. Раньше за ними такой наглости не наблюдалось. Мне даже показалось, что её хвост прошёл по моей обуви в белоснежную кроссовку ноге. Дворовые кошки-тунеядки бездействовали. Я осветил телефоном ветхую дощатую лестницу, которая вела на длинный общий балкон, чтобы не навернуться на кривых ступенях в темноте, и в ответ мне засверкали три inferнальных кошачьих глаза. Четвёртый глаз был утерян в бою.

— Дармоеды, — пробормотал я, невольно содрогнувшись, и тихо проскользнул в квартиру.

Уже засыпая, я услышал привычный скрип открывающихся створок старого платяного шкафа в моей спальне. Через минуту на кухне полилась вода и робко зазвенела посуда в раковине. До нашей семьи здесь жила одинокая женщина, которая умерла, когда я ещё витал, развоплощённый, в пространстве, выбирая себе чрево, как учит Бардо Тодол, тибетская Книга Мёртвых (почему я не выбрал родиться где-нибудь в Швейцарии?!), да так и осталась здесь, не понимая, что посторонние люди делают у неё в доме, но каждую ночь покорно мыла за нами посуду, благодаря чему мать и сестра до сих пор не напустили на неё всяких мулл и бабок. По-моему, с их стороны это подлость.

Утром мама пыталась отговорить меня от запланированной поездки на дачу к Мике (он у нас единственный, у кого есть дача, землевладелец, помещик Микаил). Моя мама никогда не может удержаться от попыток испортить мне выходные.

— Ты и так не работаешь. На кой ляд тебе выходные? — нудила она в то жаркое субботнее утро. Это неправда, я работаю, просто я — фрилансер. Но ей бесполезно объяснять. Мама думает, что если человек не сидит, скрючившись, за компьютером с девяти до шести, с унижительным часовым перерывом на жалкую трапезу, то он, стало быть, не работает. Все унылые отпрыски её коллег, которыми они так гордятся, именно таким образом и существуют.

— Зато Мика работает. И соответственно на дачу его мы можем поехать только в выходные. — Мой голос был твёрд, суров и мужественен.

— Но у меня вчера было такое ужасное давление!

— Высокое? — обеспокоился я.

— Нет, не высокое. Просто... ужасное.

Я решил, что с меня хватит.

